

Деньги особо в карман не шли, а вот авторитета и уважения среди хуторян ему хватало через край.

У Тимофея Богучарскова была ещё одна очень затейная вещь. Часы карманные фирмы Павла Буре с гравировкой «За отличную стрельбу» вокруг двух перекрещенных казацких карабинов. Во всём хуторе Швечикове подобных часов было меньше десятка. У торгового казака Карапыша. Понятно, почему, человек он занятой, и ему ценить время было нужно. У настоятеля Свято-Серафимовской церкви отца Евлампия, чтобы церковные службы не пропускать, да у нескольких служивых казаков, доставшихся кому за победу в конно-народных скачках на ярмарках, кому за лучшую рубку или стрельбу во время действительной службы в казацких полках первой очереди. Такую дорогую вещь можно было смело зачесть за символ превосходства над остальными. Для хутора это вообще особый форс. Не надо забегать в курень, чтобы на ходики посмотреть и тем более обращать внимание на тень от дерева, растущего на усадьбе. Это вам не так про время говорить, что солнце стало на полдуба, а это означает поутру. Или солнце в дуб, в полдень, значит, и нужно отправляться домохозякам доить коров на выпасе, а домохадцам собираться к обеденному столу. Тут уж настоящая точность, до единой минуты!

Находясь на действительной военной службе, Тимофей лучше всех в полку стрелял из положения лёжа, с колена, стоя и со своего удивительно послушного строевого коня.

В его курене на почётном месте висела мишень с тремя отверстиями в центральном круге с цифрой 10 и витиеватой надписью командира полка: «На память о лучшей стрельбе. Попадай всегда!».

Такое пожелание Тимофей Богучарсков в полной мере исполнил тогда, когда воевал в маньчжурских степях.

С хутора Швечикова в 26-й Донской казачий полк второй очереди были отправлены пять храбрых казаков.

Один из них, Сорокопудов Порфирий, в родной хутор не вернулся. Богучарсков помнил точную дату его гибели — 30 декабря 1904 года, когда японская пуля сразила его односума при штурме железнодорожной станции Инкоу. Каждый год в этот день вдова Порфирия заказывала молебен, и Тимофей со своими сослуживцами поминал не вернувшегося с полей Маньчжурии храброго казака.

Выходя из церкви, он

всегда бросал взгляд на сделанный из мозаики большой крест с надписью «За веру, царя и Отечество». Этот девиз военной службы швечиковские казаки до самой глубины осознали с дней июльской мобилизации 1904 года и до своего тихого возвращения в станицу почти через два года, в апреле 1906-го.

Про веру всем призванным казакам второй очереди не давали забыть на прошедших чередой церковных службах,

Георгиевский крест.

начиная от хутора и заканчивая войсковым молебном в Персиановских лагерях. Там же царь Николай II предстал перед ними воочию. Отечество удалось увидеть за полтора месяца пути во всех придорожных подробностях от Новочеркасска и до самых маньчжурских степей. Офицеры во время занятий по словесности втолковывали казакам, что они едут на театр военных действий. Что означал театр для уроженца хутора из донской глуши? Никто из них и никогда в нём не бывал. Куда проще понималось, что едут они на войну.

Иногда всё-таки Тимофей Богучарсков не так подробно, как бы кому-то хотелось, но отвечал на расспросы своих любопытных хуторян:

- Степь там у них какая, как у нас?

- Да нет, наша степь особенная. Есть у нас и ровные места, и горы, и балки, а там глазу зацепиться не за что. Вот что там дикинское, так это заросли растения ихнего, гаоляном оно называется. Под пять аршин в высоту. Всадник с конём полностью в нём скрывается. Местные жители из него большие пользы извлекают. На хлеб он у них идёт, на корм скоту, и даже плетни и жильё они из него делают. Пробовали мы их водку — ханшин, сделанную из растения, по виду

как привычное нам просо, а по-местному — чумиза. Наша дымка по сравнению с их отравой — лучший эликсир жизни, а пить-то приходилось и ханшину эту. То праздник нужно было по-христиански отметить, то убиенных помянуть. Поводов было немало. Радости только не было. Не откуда ей было взяться.

Тут же задавался и другой вопрос:

- Скажи, а в Маньчжурии атаманы есть?

Услышав столь понятный и близкий для него вопрос, Тимофей Богучарсков обстоятельно отвечал на него. Надо же было просветить своих хуторян.

- Конечно, есть. Как без них? Только они старостами называются. Когда мы в их деревню заходили, то перво-наперво такого старосту искали и выясняли у него те сведения,

которые были нам нужны: где японцы, где хунхузы, где и почём можно взять фураж для строевых лошадей, где их можно было безопасно напоить.

Карманные часы.

- А старост этих, как и у нас, избирают или как?

- Знаю, что их местный большой начальник, губернатор провинции, назначал, но везде и всегда получалось так, что кто богаче, тот и староста. У них так же, как и у нас, есть десятидворки и тридцатидворки, и в них старшие. Тех уже выбирают промеж собой из самых достойных жителей. Они у них как атаманчики местные.

- Значит, с нас пример взяли.

- Да нет. Никаких примеров они ни с кого не брали. Когда мы в той Маньчжурии появились, то были для них совсем неведомыми людьми, хотя забайкальских казаков они, конечно, видели и общались с ними. А чтобы нас, донских казаков, так в первый раз лицезрели.

- Тимофей, о хунхузах расскажи. Про них такие страсти в газетах писали.

Атаман, видя, как всё больше и больше растёт интерес к его рассказу, не начинал издалека, а сразу всё расставлял на свои места:

- Хунхузы — это бандиты. Хотя они себя к числу народных защитников причисляли. У нас в своём Отечестве та-

кого отребья тоже хватает. Мы в последние годы в этом убедились.

Перемещались они быстро на своих лошадках, появлялись как из-под земли отовсюду, но мы научились их выцеливать и к своим богам отправлять. Как видные издали отличия, скажем, как у нас погоны или кокарды, были у них косы чёрные-пречёрные. Вот мы их отрезали и как доказательство поражения живой цели старшему командиру сдавали. За эти косы деньги полагались и представления к наградам. Потом же, когда заметили, что по степи скачут здоровехонькие хунхузы, но уже без своих кос, то тогда такое правило отменили. Ну не головы же им отрезать для подтверждения? Казаки всё же не живодёры. Да и особой ненависти хоть к обычным маньчжурам, хоть к тем же хунхузам не было. Домой хотелось вернуться живыми и здоровыми, да побыстрее. Но вернулись только не все.

Ответил Тимофей и замолчал на несколько минут. Наверное, снова вспомнил одну сумму своего Сорокопудова. Тут же прозвучал ещё один вопрос:

- А на каком языке вы с теми

пливые, к ним-то как раз особая жалость и была.

- А молятся как и на кого? Какие у них божества в обиходе?

- Так и не удалось до конца разобраться. Поняли только, что церквушки у них прозываются кумирнями. Чуть больше наших часовенок по размерам. Священника у них сразу от обычных маньчжуров и не отличить. Наш священник — это красавец! Сам росту достойного. Борода на груди почти до пояса и вид приметный. Облачение всё золочёное, на солнце сверкает и переливается. Глаз простому народу радует!

У нас иконы со святыми, у них же таблички с каракульками, иероглифами то бишь. Это так они переписку со своими божествами ведут.

Вместо алтаря в тех кумирнях бронзовый идол. Буддой они его величают. Он у них за самое главное божество. Когда они молятся, то не крестятся, а только ладони складывают перед собой и лбом к полу прикладываются. Но таких богоусердных и у нас хватает.

Одного мы шпиона поймали, так он свои ладони сложил, бухнулся на колени и головой всё время бился о землю. Клялся, значит, что ничего плохого против наших казаков не делал. Едва ямку в мёрзлой земле не проямл.

- Поверили тому маньчжурцу?

- Мы-то да, а вот, что в штабе было, мы того не ведаем. На войне как на войне. Ну всё, хуторяне, я и так вам много поведал, хотя мы же зарок давали особо не рассказывать.

Один из любопытных слушателей отозвался:

- Так интересно же, Тимофей! Ты посмотри, сколько тебя казачат слушало. Они же всё запомнили.

Атаман оглянулся вокруг себя и увидел много внимательных детских глаз.

- Пусть слушают. Война эта не последняя наверняка. Какая-то и на их казачью долю достанется.

Сергей Сполох,
член Союза писателей России

ПРИМЕЧАНИЕ:

1. Все иллюстрации, использованные в настоящей статье, взяты из архива автора и общедоступных источников.

2. Аршин — мера длины, равная 71,12 сантиметра.

